

они повернули налево – шли в депо, а я пошла дальше, так и не сказав ничего важного. Вдруг меня кто-то взволнованно окликнул: «Ради Бога, извините, скажите, как вас зовут». И с отчаянной решительностью спросил: «Где вы живете? Я найду вас». И действительно нашел, искал две недели. «Встреча эта была нашей судьбой, отмеренной Богом во времени от Красной горки 43 года до Пасхи 74 года. Было мне тогда 17 лет, а ему 24. Назвался он Борисом. За калиткой его торопил немец, он сопровождал его на работу на мясокомбинат» [11, с. 364].

Что же касается даты последнего третьего побега, то она также указана в воспоминаниях Веры Воробьевой. «В августе Борис [Константин при знакомстве с Верой назвался Борисом] сообщил мне, что готовится побег из лагеря. <....> Мы договорились о месте встречи в 4 километрах от города по дороге в Вердуляй... На условленное место я должна приходить в течение десяти дней во второй половине сентября. <....> Прошло десять дней, но так никто и не появился. <....> И вот наступил день моих именин – **30-е сентября**. С самого утра меня не покидало чувство тревоги и мысль, что сегодня надо идти туда. Вечером мы с Зиной отправились в назначенное место... Мы шли бодро, шумно и для храбрости пели. Вдруг в неожиданном месте из ржи вышли два «немца» и преградили нам дорогу окриком «Хальт!». От страха мы оцепенели, но тут же узнали беглецов. <....> Многие годы потом я вспоминала, холодея от ужаса, а что было бы, если бы в тот вечер не пошли бы, пропустив, как это сделали до этого? И благодарила Бога, что вот так вовремя пришло чутье, ведь так много было у нас наивности, легкомысленности и непонимания своей ответственности в этой ситуации» [11, с. 366].

Все предельно ясно, последний побег Константин Воробьев совершил 30 сентября 1943 года, и обнаружила его в лесу вовсе не собиравшая грибы женщина, как указывает литературовед Дмитрий Беличенко [12], а Вера Дзенис, его будущая жена. А затем была партизанская борьба. «Сопротивление немцам в 1943-1944 годах охватило широкие слои в городе и деревне, отдельные партизанские бродячие группы объединялись или вливались в литовские партизанские отряды» [11, с. 378].

Откуда же взялась дата 24 сентября 1942 года? Все из тех же воспоминаний В. В. Воробьевой. Цитирую: «Так случилась, что Литва стала для него второй родиной. Здесь совершилось его второе рождение – 24 сентября 1942 года, когда бежал из саласпилсского лагеря...» [11, с. 420].

Вера Викторовна вспоминает: «В 1943 году уже не было в городе тех ужасных «процессий», когда изможденные голодом, полуживые, грязные, оборванные наши пленные шагали по улицам города, а впереди «колонны» доходяги тащили по улицам города деревянную повозку со страшным грузом – в ней были мертвые и те, кто обессилив, падал по дороге. Их везли за город и там, у озера, закапывали. <...> Так было в 1941–1942 годах. В это солнечное воскресенье 1943 года было празднично, ничто не напоминало о войне. И лагерь военнопленных преобразился. Оставшиеся в живых пленные имели возможность ходить на работу, где люди их подкармливали, давали одежду, да и